

Социальный запрос на мораль: casePussyRiot

Проблема моральных ориентиров, четкого разграничения добра и зла, допустимого и недопустимого, границ дозволенного в современном российском обществе стоит очень остро. К сожалению, пока острота этой проблемы недостаточно воспринята нашей наукой, в том числе и социологической. Анализ дискуссий, проходящих на многочисленных Интернет-порталах показывает, что эта проблема относится как к сфере экзистенциальной, так и в особенности бытовой. На семейных форумах их участники (преимущественно женщины, образованные представительницы среднего класса, жительницы Москвы, С-Петербурга и других крупнейших городов) сетуют на то, что они не знают, как воспитывать своих детей, что им внушать и чему их учить. В частности, что важнее, быть успешным в жизни, невзирая на способы достижения успеха, или цель не всегда оправдывает средства. Тема социальных норм поднимается регулярно, но с той же регулярностью оказывается, что нормы размыты, что границы допустимого – недопустимого переместились в более мягкую ценностную сферу, причем и моральные ценности как социальный регулятор активно проблематизируются преимущественно в связи с высокой их неопределенностью. Не приходится говорить и о наличии групповых систем ценностей – здесь, по-видимому, существует очень высокая неопределенность. Более того, нет авторитетных групп, которые бы задавали какие-то четкие ценностные образцы. Базовые понятия о добре и зле, достойном – недостойном, оказались настолько размытыми в современном обществе, что люди пытаются их нащупать, практически не имея ориентиров. Очень часто эти категории сводятся к понятию жизненного успеха, как ответа на самые экзистенциальные вопросы, причем и само это понятие не имеет четких границ и единого понимания.

Но людям очень сложно жить в ситуации ценностной неопределенности, причем на самом бытовом уровне, они тяжело переживают ценностный вакуум, что четко показывает анализ Интернет-дискуссий. Слом прежнего строя, резкое изменение социально-экономической и политической ситуации лишили значительную часть людей нравственных ориентиров, что резко активизировало данный дискурс как существенный и дискуссионный. Люди остро нуждаются в морально-нравственных «якорях» и испытывают серьезный диссонанс, не обнаруживая их. При этом такие дискуссии в Интернете никогда не заканчиваются нахождением консенсуса, каких-то удовлетворительных решений.

Не помогают в этом людям и современные постмодернистские литература и искусство, которые принципиально размывают смыслы, не дают нравственных оценок. Что касается классической литературы, то она больше не расценивается как «учитель жизни», в ней не ищут нравственных ориентиров в силу временной удаленности и явных социально-политических и социально-бытовых отличий жизни героев классических произведений и современных жителей мегаполисов. Свою роль в десакрализации классики сыграло и снижение роли интеллигенции в современном обществе. Поиск четкости и нравственных ориентиров проявляется, например, в неожиданно выросшем интересе молодых людей к произведениям Э – М. Ремарка, книги которого для многих читающих молодых людей привлекательны именно простыми и понятными моральными оценками.

Социальный дискурс морального-аморального, допустимого-недопустимого резко активизировался в России связи с событиями вокруг акции группы PussyRiot, причем именно потому, что это была провокативная акция. В течение полугода – от того момента, как эта акция произошла и до августа 2012 г., т.е. когда закончился суд над участницами группы, информированность россиян об этом событии и интерес к нему существенно выросли. Если в апреле 2012 года ничего о ней не слышала почти половина россиян, а внимательно следили за событиями лишь 4%, то в июле уже $\frac{3}{4}$ жителей России знали об акции, а 10% внимательно за ней следили. В августе, когда состоялся суд, тех, кто ничего об этом не слышал, стало совсем мало – 14%ⁱⁱ, а количество следивших за событиями заметно возросло, затем произошел спад интереса, поскольку не было новых информационных поводов.

Для основной части жителей страны, которые следили за этими событиямиⁱⁱⁱ, акция не была и не стала политической, ее оценивали с религиозных и морально-нравственных позиций. При этом выяснилось, что эти позиции для массового сознания практически идентичны. Очень четко показал эту идентичность, практически полное отсутствие других (кроме религиозных) источников формирования морально-нравственных норм и ценностей в современной России анализ комментариев, которые оставляли участники сбора подписей в поддержку группы, инициированного деятелями культуры и искусства России^{iv}. Всего свои подписи поставило 50205 человек, которые пытались защитить участниц группы от сурового наказания. Большей массовости этой акции поддержки помешали именно морально-этические преграды.

Мы провели подсчет социально-демографического состава людей, оставивших свои подписи под обращением. Для этого бралась каждая пятая страница подписей, а на ней делались полные расчеты. По нашим расчетам среди людей, оставивших свои подписи 70% составили мужчины; половина проживает в Москве, 20% в Петербурге,

среди остальных большинство составили жители Подмосковья и областных центров, почти все имеют высшее образование. Почти $\frac{1}{4}$ составили представители творческих профессий, далее следуют инженеры, преподаватели вузов и научные работники, пенсионеры. Если сравнивать социально-демографический состав подписавшихся в поддержку PussyRiot с теми 100 тыс. людей, которые в свое время оставили свои подписи в поддержку Светланы Бахминой^{vi}, то оказывается, что в обоих случаях значительно более активными были мужчины (это вообще характерно для всех сборов подписей такого рода), причем очень высока доля жителей Москвы и Санкт-Петербурга и лиц с высшим образованием^{vii}. Разница в том, что в поддержку девушек из панк-группы выступило очень много людей творческих профессий, что связано с двумя обстоятельствами: с тем что именно представители данной группы были инициаторами сбора подписей и с тем, что для людей из этой сферы очень важно понимание границ творческой свободы. А вот русскоязычных жителей ближнего и дальнего зарубежья, которых было около трети, когда шел сбор подписей за С.Бахмину, на этот раз было очень мало. По-видимому, оказать им поддержку многие не захотели или не решились именно в силу внутреннего диссонанса по отношению к действиям участниц группы.

Подписав обращение, люди имели возможность написать комментарий, объяснить, почему они решили выступить в защиту девушек, и этой возможностью воспользовался практически каждый третий подписавшийся^{viii}. Для комментариев есть специальное поле наряду с полями для информации о себе – такой, как имя, фамилия, место жительства и род занятий. Нами был проведен анализ 2 тыс. таких комментариев, выбранных случайным образом из всей базы подписавшихся^{ix}. Сначала бралась каждая десятая страница с подписями и затем на них анализировались все оставленные комментарии. При этом лишь единицы высказывали прямую поддержку акции группы, в абсолютном большинстве случаев это было возмущение излишней суровостью наказания или, что еще более типично, люди высказывали возмущение действиями тех социальных институтов, которые осудили девушек. Не только для большинства тех, кто просто слышал от панк-молебне, но даже для основной части «подписантов» недопустимым является не столько антиклерикализм акции, сколько место ее проведения. Большинство людей убеждено, что храм – это сакральное место и любое его осквернение – это кощунство. Понятие сакрального места – это храм или могила Неизвестного солдата, это то небольшое, вокруг чего есть общественный консенсус, что не проблематизируется в качестве морального или аморального, причем как верующими, так и атеистами. При этом парное к «сакральному месту» понятие «сакрального времени» в массовом сознании практически полностью отсутствует. И ничего другого, кроме светского сакрального, связанного с победой в

войне, и религиозного сакрального, связанного с храмом, в массовом сознании не существует. Это две точки определенности, между которыми полная или почти полная неопределенность. Пожалуй, близка к сакрализации еще фигура матери, безграничной материнской любви^x.

Хотя в панк-молебне Богородицу призывали прогнать Путина, эта тема в комментариях почти отсутствует, не воспринимается существенной. Комментариев именно о нем очень мало. И это при том, что по данным всероссийского опроса Левада-центра (июль 2012 года) 19% респондентов, а опрашивались те, кто слышал об этой истории, полагали, что это была именно антипутинская акция^{xi}. Волнующая общество проблема, которую проблематизировал демарш в храме Христа Спасителя, лишь в слабой степени ассоциируется в конкретной персоне, касается более общих социальных проблем. Скорее исключением являются и полностью позитивные оценки действий девушек. Такие комментарии, как и антипутинские высказывания в сумме составляют меньше 8%: *«Молодцы девочки. Умные, смелые, талантливые», «PussyRiot: за вашу и нашу свободу»*^{xii} И даже слова открытой поддержки действий девушек и их самих все-таки часто небезусловны, с небольшими оговорками, касающимися сакральности места: *«Оставьте девчонок в покое. Они не в том месте, но сказали правильные слова!»* Другое дело, что здесь все-таки упор делается на позитивной оценке действий девушек, а почти обязательная ссылка на сакральность места выглядит ритуальной. Напротив, большинство людей, подписавшиеся в поддержку группы и оставивших свои комментарии, негативно высказываются об их поступке, но полагают, что они не заслуживают такого сурового наказания: *«Осуждаю поступок пусей, но тюрьма - это за гранью. Дали бы условное или исправительные работы», «Это не уголовное преступление. Хотя и отвратительное действие», «Поступок девчонок не одобряю. Но действия власти не одобряю тысячекратно...»*. И обобщающее общее высказывание: *«Отпустите этих дур, идиоты!»*

Здесь мы сталкиваемся с интересным социальным феноменом: нарушение сакральности места действия вызывает массовый, почти единодушный протест. Они не готовы принять действие группы, которое нарушает принятый сегодня в обществе консенсус по поводу нравственно допустимого и недопустимого. Но у тех людей, которые все-таки вступились за девушек, еще большее возмущение вызвали репрессии по отношению к ним, которые были расценены как неадекватные по поводу, а потому тоже лежащие за гранью допустимого. У этих людей ощущение, что, как признав возможность таких действий со стороны участниц группы, так и со стороны их гонителей, они теряют

последний «якорь», обеспечивающий надежность их существования в обществе и понимания общества как живущего по понятным правилам.

Большое количество комментариев касается состояния всей нашей политической системы и особенно РПЦ, которую обвиняют в том, что она превратилась в часть государственной репрессивной машины. В отличие от государственных институтов, которые массово не пользуются доверием населения, а потому жестокость с их стороны воспринимается как негативная, но норма, отношение к действиям церкви в данной ситуации очень болезненное. Церковь, как верующие, так и многие неверующие хотят видеть институтом доброты и милосердия, высокой морали и нестяжательства. Именно от нее ждут ответа на массовый запрос на моральные нормы. Когда этого не происходит, возникает очень болезненная реакция разочарования. Именно поэтому так эмоционально люди реагируют на то, что они называют сращиванием РПЦ с государством в деле PussyRiot.

Почему люди чувствуют свое нравственное право поддержать девушек, когда их преследует государство? Да в силу того, что здесь они выступают за слабых, пусть и нравственно безупречных, и против сильных, которым в нравственности вообще отказывают. Многократно повторяются одни и те же комментарии: *«Средневековье в России...»*, *«Дикость, мракобесие, инквизиция»*, *«Стыдно за такую власть в России»*, возмущенные высказывания о российских судах. Но комментариев такого рода не очень много, в силу того, что подписавшие письмо не ждут от государственных институтов справедливости и соответствия каким-то законам – что юридическим, что нравственным. А раз нет особых ожиданий, то не происходит и грубого их нарушения, а потому лишь немногим хочется по этому поводу высказаться – даже возмущенно. Как сказано в одном из комментариев: *«Ну, с ними-то все понятно»*.

Церковь – один из немногих авторитетных для общества институтов, от которой ждут моральной ответственности, проявления высоких, образцовых нравственных норм. По данным Левада-центра половина россиян доверяет РПЦ и полагает, что только в обращении к религии, к церкви общество может сейчас найти силу для духовного возрождения страны. Более того, 58% россиян считают, что именно православная церковь должна спасти Россию, как это всегда было в истории.^{xiii} И когда этот институт, как кажется людям, оказывается нравственно несостоятельным, это вызывает целую бурю эмоций: от гнева и возмущения, до глубокого сожаления и разочарования. При этом, что представляется особенно важным, все эти чувства и эмоции проявляют как верующие, так и неверующие, поскольку и те, и другие не видят светских источников образцов морали и нравственности. Очень многие специально указывают на свое отношение к религии: *«Я*

атеист и по специальности учитель физики, но читал Библию, и как мне помнится бог наказывал ПРОЩАТЬ, даже своих врагов», «Сам я верующий и православный...», «Мой прадед был протоиереем, и для меня это важно», «Поддерживаю. Верующий, но не "воцерковленный"». Но и верующие, и атеисты по одним и тем же причинам осуждают в своих комментариях действия РПЦ, не проявившей, по их мнению, милосердие к «павшим», при этом и те и другие пытаются найти выход, разделяя церковное и «божеское», РПЦ и религию. Понятно, что и те, и другие находятся на стороне Бога и веры, как основы доброты, нравственности и морали.

Приведу несколько таких комментариев: «Я не против веры в Бога, я против засилия и навязывания идеологии РПЦ! Да, людям нужна вера в бога, а не ООО "РПЦ", «В РПЦ преданы забвению Христанские Заповеди. А ведь это основа Веры!», «Вот после таких процессов люди и начинают презирать православие и его последователей. Я сам православный и мне жутко стыдно за то, что делают с этими девушками. Пора бы РПЦ МП хоть раз проявить христианское милосердие не только на словах». Особое возмущение вызывает то, что участники сбора подписей определяют как сращивание РПЦ и государства, и причины тут очевидны: если государство безнравственно или антинравственно, то церковь, выступая на его стороне, т.е. против «маленьких людей», не может не стать часть жестокой машины подавления. Понятно, что в такой ситуации ожидать от церкви ответов на сложные вопросы о добре и зле становится просто бессмысленно. И тогда люди начинают разделять «настоящую», «правильную» веру и псевдоверу, которую несет церковь: «Я крещеный православный. Вырос на Арбате. Никогда не ходил в бассейн "Москва", а потом в ХСС, потому что моя бабушка, глубоко верующий человек, всегда говорила: "это плохое, проклятое место". Так оно и есть. Я не одобряю поступок "Пусси", но Господь учит "прощать неразумных чад своих". А вот обряд крещения внуков и правнуков своих я Чаплину и Гундяеву ни за что не доверю. Мне Православная Вера не позволяет. Аминь». И тогда люди начинают различать веру, которая учит добру и умению отличать его от зла, и церковь как организацию, один из государственных институтов, от которого подобного ждать не надо. Вывод: напрямую говорить с Богом, если ты православный, или чтить заповеди, если ты атеист.

Практически половина комментариев посвящена именно проблеме огосударствления церкви, ухода ее из сферы морали в сферу жестокости и подавления, переживаемого исключительно остро и болезненно, а потому комментарии такого рода особенно экспрессивны: : «Сращивание церковных чиновников с властью - трагедия для страны», «Я против соединения церкви и государства, это приведет нас к новой инквизиции. Христианство знает один закон - любовь. Те, кто хочет распять молодых

девушек за песенки в церкви, не имеют ничего общего с православием», «Сейчас ЗАО РПЦ действует по принципу - "добро победит зло, поставит на колени и зверски убьет". Милосердие? - нет, не слышал. Хотя по большому счету девушки протестовали против Путина и Гундяева. За это их и преследуют».

Анализ комментариев, оставленных в ходе акции в поддержку группы PussyRiot не характеризует наше общество как глубоко религиозное, хотя для описания акции панк-группы очень часто используется термин «кошунство» - совсем не светского происхождения (его ввел в массовый обиход ведущий одного из телеканалов, назвавший участниц группы «кошунницами»). Не случайно, на вопрос Левада-центра о том, каковы главные причины уголовного преследования участниц PussyRiot, наиболее популярным был ответ «Они оскорбили церковные святыни и чувства верующих» (42%). Но в ситуации, когда светские институты не задают нравственные нормы, даже люди, позиционирующие себя как принципиальные атеисты, не способны давать оценок событиям, лежащим в морально-ценностной сфере, со светских позиций. Здесь в обществе практически полный вакуум, во многом способствующий росту если не религиозности, то квазирелигиозности населения, потерявшего морально-нравственные якоря, координаты.

История вокруг PussyRiot показала и то, что за исключением понятия «сакрального места» нет других единых для всех нравственных критериев. Обсуждения, которые во многом сосредоточились в морально-нравственной сфере, показали, что у общества нет языка для понимания и описания морально-нравственных дилемм, за исключением самых простых, даже примитивных объяснений допустимого-недопустимого, и это представляется весьма острой социальной проблемой. Анализ дискуссий на Интернет-форумах о том, что нравственно/безнравственно именно сегодня, был продолжен и обострился в связи с событиями вокруг PussyRiot, но новых идей, смыслов и решений так и не появилось. Более того, многие разочаровались в РПЦ как институте, способном не только формировать новые нравственные ориентиры, но и поддерживать традиционные. В этом смысле можно говорить об усилении нравственной дезадаптированности общества, которое сегодня и не религиозное, и не светское; стремящееся найти четкие нравственные ориентиры, но не вырабатывающее их само и не видящее институтов, способных их вырабатывать и им следовать.

ⁱДубин Б.В., Гудков Л.Д. Интеллигенция: Заметки о литературно-политических иллюзиях. Изд. 2-е, испр. и доп. Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009

ⁱⁱ<http://www.levada.ru/17-08-2012/tret-rossiyan-verit-v-chestnyi-sud-nad-pussy-riot>

ⁱⁱⁱ В марте 2012 года внимательно следили или были наслышаны о группе и событиях, с ней связанных, 34% россиян, ничего не знали – 46%, в сентябре – 68% и 16% соответственно (<http://www.levada.ru/02-10-2012/nakazanie-uchastnitsam-gruppy-pussy-riot-tret-rossiyan-sochla-adekvatnym>)

^{iv} <http://www.echo.msk.ru/doc/903154-echo.html>

^v Напомню, что в сборе подписей в поддержку Светланы Бахминой приняло участие почти 100 тыс. чел.

^{vi} <http://bahmina.ru/ru/>

^{vii} Расчеты проводились аналогичным образом: только бралась каждая десятая страница с подписями, а на ней необходимые показатели учитывались полностью.

^{viii} Примерно такая же доля оставила свои комментарии среди подписавшихся в поддержку С.Бахминой, и вообще, по нашим расчетам, треть – это стандартное количество оставляющих комментарии в ходе сбора подписей такого рода.

^{ix} <http://www.echo.msk.ru/doc/903154-echo/signatures.html#comments>

^x Когда мать какого-то маньяка или серийного убийцы выступает в прессе с его оправданием, тут же начинаются Интернет-дискуссии, права ли она. Большинство участников таких дискуссий выступает с мнением, что именно так должна поступать настоящая мать – любить и поддерживать своего ребенка до конца, что бы он ни совершил.

^{xi} 23% полагали, что акция была направлена против церкви и верующих, 20% - против участия церкви в политике, а еще 19% полагали, что верно и первое, и второе, и третье.
<http://www.levada.ru/31-07-2012/rossiyane-o-dele-pussy-riot>

^{xii} Здесь и далее все цитаты из комментариев даются курсивом, с сохранением орфографии и пунктуации их авторов.

^{xiii} <http://www.levada.ru/11-10-2012/rossiyane-o-religii-i-tserkvi>